

***РУССКАЯ САМОБЫТНОСТЬ ИЛИ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ
ЕВРОПЕЙСКОМУ ПУТИ: ПУБЛИЧНАЯ ДИСКУССИЯ
В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА***

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Краснодарский университет МВД России,

Краснодар, Россия

Аннотация: Рассматриваются особенности имевшей место в первой половине XIX в. публичной дискуссии между «славянофилами» (А. С. Хомяков, И. В. и П. В. Киреевские, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев и др.) и «западниками» (П.В. Анненков, А.И. Гончаров, И.С. Тургенев, Н.П. Огарев, Г.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, П.А. Чаадаев и др.), которая стала первой в общественном пространстве России. Отмечается, что эта дискуссия хотя и содержала критику существующей системы государственного управления, но не отражала радикальных настроений ее участников (в отличие от декабристов), в связи с чем, собственно, и была разрешена властью. «Славянофилы» и «западники» не смогли определить общей платформы (и в этом смысле ситуация напоминает ситуацию современной России), тем не менее, дискуссия во многом способствовала формированию общественного мнения о необходимости преобразований демократического толка, которые начались с известной реформы 1861 г.

Ключевые слова: «славянофилы», «западники», дискуссия, цензура, идеология, общественное мнение, государство, власть.

***RUSSIAN IDENTITY or COMMITMENT
EUROPEAN WAYS: PUBLIC DISCUSSION
IN THE PUBLIC SPACE OF RUSSIA
THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY***

Uporov I.V.

*Doctor of Historical Sciences, Ph.D., Professor,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnodar, Russia*

Abstract: The peculiarities that took place in the first half of the 19th century are considered. public discussion between the "Slavophiles" (AS Khomya-kov, IV and PV Kireevskiy, KS and IS Aksakov, Yu. F. Samarin, AI Koshelev and others .) and "Westerners" (PV Annenkov, AI Goncharov, IS Turgenev, NP Ogarev, GN Granovsky, KD Kavelin, PA Chaadaev, and others.), which became the first in the public space of Russia. It is noted that this discussion, although it contained criticism of the existing system of state administration, did not reflect the radical moods of its participants (in contrast to the Decembrists), and therefore, in fact, was resolved by the authorities. "Slavophiles" and "Westerners" could not define a common platform (and in this sense the situation resembles the situation in modern Russia), nevertheless, the discussion in many ways contributed to the formation of public opinion about the need for democratic reforms that began with the famous reform of 1861.

Key words: "Slavophiles", "Westerners", discussion, censorship, ideology, public opinion, state, power.

Несмотря на достаточно жесткий цензурный режим в период правления Николая 1, в России того времени (вторая четверть XIX в.) имела место довольно оживленная дискуссия о путях дальнейшего развития России в рамках довольно разноплановых идей. Речь идет прежде всего о двух ведущих идейных направлениях – «славянофилах» и «западниках». При этом существующему

положению в стране давались негативные оценки, и нередко весьма нелицеприятные. И в этом контексте есть основания считать указанные идейные течения как проявления инакомыслия, если соотносить их с официальной идеологией абсолютизма. Вместе с тем отличительная особенность такого инакомыслия заключалась в том, что в большинстве случаев их представители действовали в рамках действующих законов и не призывали к свержению императорской власти, то есть отсутствовала радикальная составляющая, что отличало их от тех же декабристов.

Славянофилы и западники имели один первоначальный теоретический источник – европейскую философию первой трети XIX в., хотя, как будет показано, по-разному подходили к решению одних и тех же проблем. В чем они были едины так это в критике существующего в России общественно-политического уклада, его крепостнической сущности, явившей, по замечанию А.С. Хомякова, «все мерзости рабства законного» [1, с. 52] и желании сделать Россию процветающим государством, то есть «общей для них была и вера в высокое историческое призвание России» [2, с. 93]. При этом «в основании спора славянофилов и западников лежали одни и те же вопросы: что нового должна и может внести Россия во всемирную историю, каково ее место в цивилизационном процессе и как связано ее социокультурное прошлое с ее настоящим и будущим? Отвечая на эти вопросы, они решительно расходились между собой в понимании истоков и путей возрождения России» [2, с. 93]. Оживленные дискуссии между западниками и славянофилами были одним заметным явлением литературно-общественной жизни России того времени.

Крупнейшими представителями славянофильства были А. С. Хомяков, И. В. и П. В. Киреевские, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев и др. Печатных изданий у славянофилов было сравнительно немного, поскольку славянофилы предпочитали университетскую кафедру или непосредственное общение с людьми. Но и СМИ нельзя было не использовать, поскольку к тому времени газеты и журналы были наиболее эффективным способом донесения своих идей до широкой общественности. Сначала это был орган официальных

народников «Московский наблюдатель», затем - журнал «Москвитянин», который с 1845 г. стал фактически издаваться под редакторством И.В. Киреевского (номинальным редактором оставался Погодин). Однако ввиду разногласий между ними славянофилы отказались от этого издания. И тогда было принято решение издавать отдельные научно-литературные сборники, в финансировании которых участвовал ряд состоятельных лиц, в частности, помещик А.И. Кошелев, которому были близки славянофильские идеи.

В славянофильской идеологии нашло выражение неприятие революционных идей западных стран. По сути дела, это был «консервативный либерализм, устремленный к идеализированному прошлому. Там, где Чаадаев видел причину застоя, славянофилы усматривали источник преимущества России перед Западом. Славянофильская доктрина имела в своей основе историческую концепцию, построенную на мистических основаниях немецкой идеалистической философии. Славянофилы считали, что основы христианской религии сохранены в своем истинном виде только православной церковью» [2, с. 94]. Так, по мнению И.В. Киреевского, «сочетание истинного христианства, глубоко вошедшего в сознание русского народа с естественным развитием народного быта, и определило самобытность русской жизни, характер ее исторического развития, прямо противоположного Западу» [3, с. 217]. Коренные начала русского народного быта славянофилы видели в общинном землепользовании и самоуправлении. Отрицая классовый антагонизм крепостных крестьян и помещиков, они полагали возможной помещичью власть над крестьянами ввиду ее традиционности, допуская в будущем отмену крепостного права, но при сохранении права помещиков на землю. Вся концепция славянофильства была подчинена отрицанию общей исторической закономерности и утверждению самобытности русского исторического процесса, при котором «закон переворотов, вместо того чтобы быть условием жизненных улучшений, есть условие распада и смерти» [4, с. 203]. По их мнению, Россия должна развиваться «гармонически и неприметно» - путем постепенных преобразований, проводимых сверху. В сфере политики славянофилы выступали за расширение местного самоуправления,

созыв Земского собора с сохранением верховной власти царя, введение гласности, открытого судопроизводства, отмену телесных наказаний.

Если иметь в виду сочинения отдельных представителей славянофильства, то отметим наиболее характерных. Так, К.С. Аксаков указывал на то, что «народы, оставив внутренний путь веры и духа, увлеклись тщеславными побуждениями народного властолюбия, поверили в возможность правительственного совершенства, наделали республик, настроили конституций всех родов, развили в себе гордость и тщеславие власти мира сего, - и обеднели душою, утратили веру и, несмотря на мнимое совершенство своего политического устройства, готовы рухнуть и предаться, если не окончательному падению, то страшным потрясениям каждую минуту» [4, с. 31]. А Хомяков указывал, что западные государства возникли на основе завоевания и насилия, что их развитие происходит путем социальных катаклизмов и революций [5, с. 77]. Результатом такого пути развития, по мнению К.С. Аксакова, стало «властолюбие» западных народов, их «политичность» и стремление к «ограничению государственной власти», «вражда государства и народа» [4, с. 35]. А.С. Хомяков отмечал, что перед Западом «мы имеем выгоды неисчислимы. На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения. Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своим уроков неправосудия и насилия ... мы будем двигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее – светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неиспорченности индивидуальности нашего племени» [5, с. 469].

Однако при этом славянофилы отнюдь не идеализировали допетровскую Русь. Так, тот же А.С. Хомяков указывал на безграмотность дворян, взяточни-

чество, неправый суд, подчеркивая, что несколько олигархов вертели делами и судьбою России и растягивали или обрезывали права сословий для своих личных выгод, что даже «назначение патриарха всегда зависело от власти светской» [5, с. 457]. И.В. Киреевский выводил своеобразие России в том, что, «русское общество выросло самобытно и естественно, под влиянием одного внутреннего убеждения, церковью и бытовым преданием воспитанного ... устройстве русской общественности личность есть первое основание, а право собственности только ее случайное отношение. Общине земля принадлежит потому, что община состоит из семей, состоящих из лиц, могущих землю возделывать» [3, с. 35]. И поэтому законы западной купли-продажи как простого товара здесь неуместны. Соответственно и демократия в России чужда, поскольку «страсть к конституциям, соединенная с насильственными переворотами, основанная на книжных теориях и мечтаниях, - есть действительное зло для государства» [3, с. 150]. Вместе с тем он допускал «разумную свободу», развитие «общественного мнения» и «некоторой гласности».

«Западники», в отличие от «славянофилов», были, по сути, продолжателями идей декабризма, но без радикальной составляющей в способах их реализации. Представителями «западничества» являлись П.В. Анненков, А.И. Гончаров, И.С. Тургенев, Н.П. Огарев, Г.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, П.А. Чаадаев и др. Сходную позицию по ряду вопросов имели также А.И. Герцен и В.Г. Белинский, но они отличались радикализмом, в связи с чем ставить их в один ряд с «западниками» как оппонентами «славянофилов» представляется нецелесообразным.

Свои идеи «западники» излагали в журналах («Отечественные записки», «Современник», «Русский вестник» и др.). Общая их идея состояла в том, что благополучие России должно строиться на примере Европы. Однако при этом их нельзя назвать простыми подражателями, поскольку «западничество было именно доктриной, а не простым продуктом подражательности и заимствований, как ошибочно о нем говорят некоторые его идейные противники» [6, с. 213], оно исходило «из веры в существование общечеловеческих начал и об-

щеобязательных идеалов. Отсюда его доверие к опыту Европы, далее нас ушедшей вперед, но родственной нам по идеалам и стремлениям; отсюда его протесты против замкнутости и обособления России» [7, с. 291].

В этом контексте, например, деятельность Петра I западники рассматривали как первую фазу обновления страны; вторая, по их мнению, должна начаться с проведения реформ, которые явятся альтернативой пути революционных потрясений. При этом представители западничества различались в конкретных направлениях преобразований. Так, Д.В. Кавелин обосновывал концепцию русского исторического процесса, «отразившей влияние французской романтической историографии (Ф. Гизо, О. Тьерри), постгегельянской исторической школы (Б.Г. Нибур, Л. Ранке), а также идей Белинского» [8, с. 24]. Согласно этой концепции, в России не было завоевания одних племен другими, а значит, не было ленных прав и столкновения интересов различных классов, стимулировавшего развитие индивидуализма. Вместо феодальных отношений на Руси господствовал родовой строй, полностью подавлявший личную инициативу. До Петра I русский народ не принадлежал к числу «исторических», но все же Россия не стояла на месте, как Восток. Незрелость личности компенсировалась такими замечательными свойствами русского характера, как умение легко усваивать плоды чужих культур и способность к решительной смене исторического курса, подкрепленная уважением к силе, могуществу и успеху. Эти качества не позволили России погрязнуть в «стоячем болоте патриархальности» [9, с. 12]. При этом, как отмечает Кавелин, «наша история представляет собой постепенное изменение, а не повторение их, следовательно, в ней было развитие, не так, как на востоке, где с самого начала до сих пор все почти одно и то же ... В этом смысле мы народ европейский, способный к совершенствованию, к развитию, который не любит повторяться и бесчисленное число веков стоять на одной точке» [9, с. 13].

К числу сторонников западничества относился и известный российский философ П.Я. Чаадаев, на воззрения которого серьезное влияние оказала связь с декабристским движением. Он указывал на то, что «именно в Европе происхо-

дит великая всемирная историческая работа по установлению Царствия Божьего на земле», что и должно быть идеалом для России [10, с. 356]. Констатировав на этом фоне «бесплодие» российского прошлого, он отмечает, что, тем не менее, русский народ, не будучи «скованным окаменелыми формами жизни» обладает свободой духа для выполнения великих задач грядущего», и Россия станет центром интеллектуальной жизни Европы, если усвоит все, что есть ценного в Европе, и начнет осуществлять свою Богом предначертанную миссию, поскольку «мы, русские, подвигаемся теперь вперед бегом, на свой лад, если хотите, но мчимся несомненно. Пройдет немного времени, и, я уверен, великие идеи, раз настигнув нас, найдут у нас более удобную почву для своего осуществления и воплощения в людях, чем где-либо» [10, с. 92]. Как видно, ввиду приверженности религиозной составляющей, Чаадаев некоторым образом отдалялся от классических западников, но, тем не менее, у них было много общего - их не устраивал политический уклад страны, поэтому они его резко критиковали. В этом контексте другой представитель западничества Т.Н. Грановский, активно проповедовавший свои взгляды с университетской кафедры, «отмечал закономерность и прогрессивность исторического процесса, подводил слушателей к выводу о преходящем характере крепостнических порядков, об их исторической обреченности. Прогресс он понимал идеалистически, выражение его видел, прежде всего, в развитии идей, в распространении просвещения, в нравственном совершенствовании людей. Грановский не боялся выступать с кафедры университета против насилия над крепостным крестьянством, против деспотизма» [11, с. 253]. Вместе с тем Грановский все же опасался революционных проявлений, полагая целесообразным действовать путем конституционных преобразований.

Таким образом, во второй четверти XIX в. в России сформировалось умеренное инакомыслие в виде «славянофильства» и «западничества». Это был уникальный опыт интеллектуального осмысления российской действительности и путей дальнейшего развития российского государства. Официальная власть была большей частью сторонним наблюдателем, но при этом, как пред-

ставляется, идеи «славянофилов» ей были более близки по практике государственного управления, а идеи «западников» - по стремлению «идти в ногу» с европейской историей. Следует отметить, что в России впервые была допущена столь масштабная дискуссия, в рамках которой публичной критике (хотя и умеренной) подвергались многие стороны функционирования государства (вспомним, что Новиков и Радищев при Екатерине II подверглись репрессиям, хотя они не призывали к революционным действиям, а до этого об инакомыслии не могло быть речи вообще). Важно отметить также, что дискуссия во многом способствовала формированию общественного мнения о необходимости преобразований демократического толка, которые начались с известной реформы 1861 г.

Библиографический список:

1. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. 3.
2. Есюков А.И., Честнейшин Н.В., Честнейшина Д.А. Социальная философия русского консерватизма / Архангельск: Поморский университет, 2009.
3. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. Т. I. М., 1911.
4. Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Теория государства у славянофилов. Сборник статей. СПб., 1898.
5. Хомяков А.С. Сочинения в 2 т. М., 1994. Т. 2.
6. Величкина О.В. Межцивилизационный синтез в России (славянофилы, западники, В.С. Соловьев). Дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2005.
7. Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл. Соловьева // Новгородцев П.И. Соч. М., 1995.
8. Демченко А.А. Из истории размежевания революционных демократов с либералами (Чернышевский и Кавелин) // Освободительное движение в России. Саратов, 1979. Вып. 9. С. 22-38.
9. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России. // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии и истории русской культуры. М., 1989. С. 9-143.

10. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1.

11. Асиновская С.А. Грановский Т.Н. Большая советская энциклопедия. М., 1963. Т. 7.